

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

К истории создания

В русской литературе поэты не раз обращались к теме предназначения поэта и ценности своего творческого наследия в стихотворениях, построенных по образцу, заданному древнеримским поэтом Горацием:

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд

Нескончаемых лет — время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец верховный ведет деву безмолвную.
Назван буду везде — там, где неистовый
Авфид ропщет, где Давн, скудный водой, царем
Был у грубых селян. Встав из ничтожества,
Первым я приобщил песню Золии
К итальяским стихам. Славой заслуженной,
Мельпомена, гордись и, благосклонная,
Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу.

Перевод С. Шервинского

Первым из русских поэтов к стихотворению Горация обратился М. В. Ломоносов. Он перевел его, очевидно, найдя сходство судьбы и творчества Горация со своими:

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззатной род препятством не был,
Чтоб вносить в Италию стихи зольски
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу Дельфийским лавром.

1747 г.

Ломоносову так же, как и Горацию, «беззатный род» не помешал достичь высоких целей в науке, творчестве, в общественном положении. Это, по мнению и Горация, и Ломоносова, является главным предназначением: оставить после смерти след в виде творческого наследия.

Есть также перекличка судеб этих поэтов в том, что их усилиями меняется облик словесности. Гораций «внес в Италию стихи зольски». Ломоносов, разработав теорию «трех штилей», упорядочив русскую лексику, систематизировав части речи, дал импульс развитию русского литературного языка, создал первые высокие поэтические образцы.

В XVIII веке традицию переложения «Памятника» Горация продолжает Г. Р. Державин. Он, как и Ломоносов, будучи поэтом-классицистом, часто обращается в своем творчестве к античным образцам. В частности, переводит 15 стихотворений Горация, использует мотивы его произведений в своей

лирике. В подражание Горацию Державин заключил второй том собрания своих сочинений стихотворением «Лебедь», имеющим сходные мотивы с «Памятником». Так и Гораций одой XX заключил вторую книгу своих од.

Стройность поэтической речи, яркость и выпуклость выразительных образов объединяет этих двух поэтов. Современники называли Державина «русским Горацием». Но, обращаясь к античному образцу, Державин наполняет стихотворение собственным смыслом, чертами своей творческой биографии.

В XIX и XX веках свои «Памятники» напишут А. С. Пушкин, И. А. Бродский.

Структура

Стихотворение Горация имеет четкую структуру. В первой части утверждается величие творческого наследия поэта, оно сравнивается с «материальными» памятниками, изваянными из гранита, отлитыми из металла. Также подчеркивается долговечность такого необычного памятника, его победа над временем.

Во второй части говорится о том, что после смерти останется в вечности лучшая часть поэта — его творчество, а также о том, что слава его расширится до огромных пределов, о нем будут знать самые «темные» народы. Описывается «география» этой славы (у Горация это стремительная река Авфид (Ауфид) и упоминание правителя Давнуса, правящего дальними народами). Далее Гораций упоминает о своем «беззатном» роде, который не стал препятствием для его возвышения.

В следующей части утверждается именно то, что сотворено, сделано поэтом, его лучшие деяния. У Горация — «первый я на голос зольский Свел песнь Италии», в переводе Ломоносова — ему удалось первому «внести в Италию стихи зольски И первому звенеть Алцейской лирой». Другими словами, Гораций смог «привить» греческое изящество и силу слога римской поэзии.

Последние строчки — обращение к музе с просьбой оценить по достоинству его заслуги и увенчать главу лавром — наградить.

Этой структуре следуют все поэты, создающие свой «Памятник». Но у каждого своя «география» и свои заслуги, которые они осознают как наследие.

«Памятник» Державина датируется 1795 годом. Впервые стихотворение опубликовано в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» (1795 г.) под заглавием «К Музе. Подражание Горацию».

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
 Металлов тверже он и выше пирамид;
 Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
 И времени полет его не сокрушит.

Как и Гораций, Державин называет свой памятник бессмертным знаком величия. Этот образ создается через *эпитеты* (чудесный, вечный).

Слово «чудесный» отсутствует у Горация — это державинское понимание своего «вклада в вечность», здесь присутствует и изумление самого художника перед своим творением, явившим ему силу гармонии.

Тема «полета времени», помимо этой метафоры, обозначена также в словах «вечный», «быстротечный» и — ассоциативно — в упоминании пирамид.

И в этом присутствует *контраст*: летящим вихрям, громам, быстротекущему времени противопоставлены слова-действия, сказуемые этого предложения (воздвиг, тверже, выше, не сломит, не сокрушит).

В этом проявляется *особенность поэтики Державина* — употребление энергичных глаголов, насыщение ими стихотворения. И вместе с тем используются яркие эпитеты, дающие картине цвет, фактуру и объем.

Так! — весь я не умру; но часть меня большая,
 От тлена убежав, по смерти станет жить,
 И слава возрастет моя, не увядая,
 Доколь славянов род вселенна будет чтить.

У Горация эта часть начинается отрицанием: «Нет! Весь я не умру!»

У Державина — утверждением: «Так! — весь я не умру».

Гораций как будто спорит с кем-то (с вечностью?), отстаивая свое право на бессмертие. Державин не спорит — он утверждает это свое право. И в этом звучит его большая сила, уверенность в правильности своего пути. Свое творчество поэт называет «часть меня большая», наделяя его душой и наполняя жизнью: «от тлена убежав, по смерти станет жить». И пределы временные, за которыми — вечность, у Державина тоже особенные: «Доколь славянов род вселенна будет чтить».

Другими словами, конец времени равен концу существования народа, на чьем языке создаются произведения. Поскольку, когда «вселенна» забудет о племени «славян», никому будет читать произведения поэта. В этой подчеркнутой позитивности формулировки есть безусловная «правда жизни»: исчезновение речи равно исчезновению народа, и наоборот. Хотя «вселенна» при этом может продолжаться, но этот памятник уже не будет востребован.

Само понятие «славянов род» расширяет границы мира — Державин считает себя не только русским, российским поэтом, он говорит от лица всего племени славян!

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
 Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал...

География державинского стихотворения, безусловно, узнаваемая, русская, омываемая морями и реками. Упоминаемые Белое и Черное моря, конечно, факт географии России, но у поэта эти образы почти символичны. Это «воды», а не моря, то есть образ более широкий, абстрактный, грандиозный, мифический. И то, что названия контрастны (опять-таки факт), Державиным, по-видимому, используется как художественный прием, показывающий диапазон пространства его поэзии.

Державин называет великие русские реки — Волга, Дон, Нева, Урал — и по ассоциации, вычерчивает целые направления нашего взгляда по «карте» России: на север, на восток, на юг. Называя Уральский хребет Рифеем, Державин придает своим стихам «античный» древний налет — именно так назывались удаленные северные горы в греческой мифологии.

Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал.

Кажется, Державин в этих строках просто повторяет мысль Горация, ибо сам он человек дворянского корня, а в момент написания стихотворения он достиг уже всех мыслимых социальных высот: министр юстиции, кабинет-секретарь императрицы, всеми чтимый и уважаемый поэт.

Но старт его жизни был все же не так успешен: бедность, сиротство, служба в армии солдатом. Всем, чего достиг Державин в жизни, он обязан только себе: своему характеру, упорству, чувству долга и достоинства, таланту и силе личности.

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

Державин называет свой слог «забавным», а себя — первым его открывателем. Действительно, в русской литературе он первый поэт, смело насыщающий стихи яркими сравнениями, метафорами, «объемными» эпитетами, смешивающий высокий и низкий «штиль» ради того, чтобы придать живость слогу.

Например, в оде «Фелица» он «дерзнул» сказать о вкусах императрицы: «... поэзия тебе любезна, ...как летом вкусный лимонад...» Тем самым он нарушил законы классицистической оды, привнес в них «забавность» и в то же время искренность, оживив торжественный строй стихов.

Как известно, императрица Екатерина II высоко оценила оду Державина «Фелица», увидев в этом зеркале свой образ не напыщенно-возвышенным и царственным, а очень по-человечески привлекательным, живым и приятным. И добродетели, о которых пишет Державин в оде, оказались очень человеческими: простота, справедливость, деятельность, энергичность. Это, безусловно, дерзость, с точки зрения строгих правил классицизма и придворного этикета. Но именно это и явилось достоинством поэзии Державина и его вкладом в развитие русской поэзии.

Также своим достоинством и достижением поэт считает оду «Бог», где философским размышлениям о месте человека во вселенной, о человеке перед лицом Творца, о его месте и роли в мироздании он придал щемящие человеческие «простые» нотки. Стихотворение это переведено на многие мировые языки, это говорит о том, что люди разных религиозных конфессий увидели в этой оде отражение своих взаимоотношений с Богом, почувствовали напряжение «вечных» вопросов о законах мироздания и заинтересовались ответами русского поэта о том, что такое человек перед лицом Бога:

...Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я Бог!...

Державин называет «сердечной простотой» эту свою способность рассуждать о сложных материях на языке метафор, сравнений, эпитетов, творя удивительные объемные образы, сила которых оказывается убедительнее философских и богословских трактатов.

Еще одно достоинство своего творчества Державин называет, говоря о своем следе в историю: «истину царям с улыбкой говорить». Истину царям говорить непросто. И Державин знает это по себе: его переложение псалма царя Давида «Властителям и судиям» вызвало гнев Екатерины: «Якобинец!»

Но он нашел ту грань, те словесные краски, которые позволили ему воздействовать на власть имущих — «забавный русский слог». Истину можно говорить с улыбкой, не оскорбляя и не вызывая гнев, обряжая ее в изящество образов, уходя от напыщенности, пряча колкости за нарочитой простоватостью.

О Муза! Возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай.

Державин верил в силу Слова, в силу своего таланта, своей Музы. В этом нет тщеславия и спесивого чувства избранности. В его стихах звучит гордость: творческие усилия нашли свое полное воплощение, плоды его трудов значительны и важны не только ему — всем «народам неисчетным».

Заслуга — «справедливая». Рука музы — «непринужденная, неторопливая». Эти эпитеты создают образ свободного, несуетливого, величественного, уверенного в силе гармонии Поэта, чей памятник освещает «заря бессмертия». Таким Державин и вошел в историю русской литературы.

Форма

Стихотворение написано шестистопным ямбом — размером торжественным и размеренным, неторопливым, соответствующим содержанию.

Система рифмовки — перекрестная, с чередованием мужских и женских рифм. В этом также чувствуется уравновешенность и полнота звучания.

Тропы

Державин использует в стихотворении множество ярких *эпитетов*: чудесный, вечный, гром не сломит быстротечный, народа неисчетных, в сердечной простоте, заслугой справедливой, непринужденною рукой, неторопливой.

Речь Державина *метафорична*:

...И слава возрастет моя, не увядая...
...но часть меня большая.
От глена убежав, по смерти станет жить,
...О Муза! возгордись заслугой справедливой,
(...) Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай....

Метафорична сама тема стихотворения: поэзия — это знак бессмертия, памятник.

Помимо метафор, в стихотворении присутствует *метонимия*: «Всяк будет помнить то в народах неисчетных...»

Используется *перифраза*: славянов род, времени полет, ...чело твое зарей бессмертия венчай...

Фигуры

Риторическое восклицание:

Так! — весь я не умру...

Риторическое обращение:

О Муза! возгордись заслугой справедливой...

Синтаксический параллелизм:

...Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный...
...И презрит кто тебя, сама тех презирай;

Инверсия:

...Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
...Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
...в народах неисчетных,
...И истину царям с улыбкой говорить.

РЕЗЮМЕ 1

Державина издавна любили сравнивать с древнеримским поэтом Горацием. Державин знал Горация по немецким переводам уже в семидесятые годы. Среди стихотворений Державина можно насчитать не менее пятнадцати переложений и переводов из Горация. С Горацием же связаны два значительных произведения Державина, в которых он выразил самооценку, уверенность в своем поэтическом призвании и основанной на нем надежде на бессмертие: «Лебедь» и «Памятник». Стихотворением «Лебедь» Державин заключил второй том собрания своих сочинений 1808 год, подобно тому как ода XX Горация заканчивала вторую книгу его од. В конец первого тома Державин поставил стихотворение «Памятник» (1796). Его оригинал у Горация также заканчивал третью книгу од. Первый перевод на русский язык этой замечательной оды, названной Горацием «К Мельпомене», был сделан Ломоносовым.

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ. «Забавный русский слог» — новая стилистическая манера, введенная Державиным в русскую литературу. Два центральных таких произведения — «Фелица» и «Бог», в которых подчеркнуты поэтическая искренность, отсутствие позы и аффектации — «сердечная простота», а также гражданская смелость и правдолюбие. Державин не забыл прибавить, что истину царям он говорил «с улыбкой», то есть смягчая резкость нравоучения шутливостью тона, однако не за счет, как мы знаем, глубины возражения и несогласий.

Это «улыбка» не должна никак смешиваться с требованием «улыбательной сатиры», о которой писал журнал «Всякая всячина» в 1769 году. Державин хорошо отличал слабости от пороков, и его сатира всегда носила общественный характер. Державин ценил в своей поэзии служение на пользу общую. Гораций говорит: «Я считаю себя достойным славы за то, что говорил правду и народу и царям».

Таким образом, отталкиваясь от мысли Горация, иногда пересказывая ее в стихах, Державин затем принимался писать о своем, наболевшем, о том, что наиболее тревожило его в данное время. Поэтому в 1770—1790-е годы в его стихотворениях встречаются отдельные образы, сравнения, темы Горация, но нет ни переводов его, ни переложений в принятом смысле этого слова. Державин только «заряжается» Горацием для того, чтобы с большей силой, подкрепленной авторитетом классического поэта, обрушиться на недостатки современного общества и отдельных его представителей.

В формировании литературно-эстетических взглядов Державина определенную, и притом немалую, роль играло произведение Горация «Послание к Писонам», или «Наука поэзии».

Гораций советовал настойчиво трудиться над выразительностью языка. Уроки «Послания к Писонам» были полезны Державину, сумевшему найти свой слог и установить его «Так, чтоб каждому легким вначале он мог показаться, / Но чтобы над ним попотел подражатель иной...» Это вскоре хорошо поняли многочисленные подражатели Державина.

ТЕМЫ, МОТИВЫ. Основой искусства, содержанием его Державин считает истину, в разъяснении которой состоит предназначение поэтов и художников. Поэт для Державина — существо особое, значительное. Вера в силу слова, в его могущество была распространена среди просветителей XVIII века. Писатель, говорящий истину, — мужественный гражданин и верный сын отечества, он не умрет в памяти людей, в то время как троны могут пасть и разрушатся царства: «Героев и певцов вселенна не забудет; / В могиле буду я, но буду говорить».

«Памятник» Державина дышит уверенностью поэта в своей бессмертии, потому что бессмертно человеческое слово. Эта мысль проходит через ряд стихотворений Державина, но в «Памятнике» она является главной темой и выражена особенно ясно. Важно заметить, что Державин считает себя национальным поэтом: «И слава возрастет моя, не увядая, / Доколь Славянов род вселена будет чтить...»

В стихотворении Державин говорит о народной памяти: «Всяк будет помнить то в народах неисчетных...» Он видел память народа, из поколения в поколение передающего повести о великих людях, сложенных поэтами, чье слово — бессмертно.

Свои заслуги Державин перечисляет лаконично и точно: «Что первый я дерзнул в забавном русской слоге / О добродетелях Фелицы возгласить, / В сердечной простоте беседовать о боге / И истину царям с улыбкой говорить».

Умение отказаться от напыщенной торжественности похвальной оды, внести в стихи колкую сатиру в грубоватых просторечных выражениях составило индивидуальную манеру Державина, благодаря которой он открыл новую страницу в истории русской литературы.

РЕЗЮМЕ 2

Творчество Г. Р. Державина хронологически принадлежит к классицистическому периоду русской литературы, но яркая индивидуальность делает поэта фигурой переходной — от рациональной, нормативной эстетики классицизма к поэзии «чувства», обращенной к внутренним переживаниям отдельного человека. Впервые в русской литературе изображение человека становится разноаспектным: он интересен поэту в своей повседневной жизни, протекающей в семейном, социальном, природном окружении, но он и часть мироздания, причем мыслящая, разумная его часть, осознающая свое бытие в категориях вечности, космоса, бесконечности, божества.

Среди важнейших философских вопросов, к которым обращается Г. Р. Державин, — скоротечность земной жизни человека и его устремленность к посмертному бытию в высшей, духовной реальности. В оде «Бог» антитетичность телесного и духовного начала выражено лаконично и емко: «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю». Преодолением ее становится творчество, приближающее смертное создание природы к Творцу: «Я царь — я раб — я червь — я бог!» Тленности материального мира противостоит бессмертие духа: «Мое бессмертно бытие / ... чрез смерть я возвратился, / Отец! в бессмертие твое».

В вольном переложении оды Горация «Egegi monumentum» — стихотворении «Памятник» — размышления Г. Р. Державина вводятся в философский контекст уже самими категориями, к которым он обращается: истина, Бог, смерть, бессмертие. Поэзия заслуживает бессмертия именно потому, что она дает человеку истину и связывает его с Богом.

Вопрос о том, что есть истина, задавался еще в Библии — и с тех пор он сопровождает человечество на протяжении всей его истории. В христианской культуре неразрывность связи истины и Бога не подвергается сомнению — а поэт рассматривается как провозвестник воли Бога, пророк, наделенный даром божественного знания. Однако в «Памятнике» Г. Р. Державина размышление о заслугах поэта начинается с вполне земных его дел: «...из безвестности я тем известен стал, / Что первый я дерзнул в забавном русском слоге / О добродетелях Фелицы возгласить». Возвысить стихом монаршую добродетель, дать царю урок гуманности — это тоже дело поэта. Однако не в этом его подлинное предназначение. Бессмертия достойно лишь слово истины, рождающееся в «сердечной простоте». Именно поэтому Г. Р. Державин в четвертой строфе задает последовательность инстанций, к которым обращается поэт: Фелица (Екатерина II) — Бог — истина. И не случайно истина завершает этот смысловой ряд: она и есть цель поэзии.

Однако если поэзия может стать бессмертной, то поэт — всего лишь человек. Он смертен, но при этом ему уготовано бессмертие — это память о нем, слава, которая сохранит его имя для потомков. Телесная оболочка не убежит от тлена — а слава будет возрастать, «не увядая, / Доколь славянов род вселенна будет чтить».

ИСТОЧНИКИ

- ЕГЭ. Литература: универсальный справочник / Л. А. Скубачевская, Т. В. Надозирная, Н.В. Слаутина и др. — М.: Эксмо, 2010.
- ГИА. Литература : универсальный справочник / О. И. Нестерова. — М.: Яуза-пресс, 2014.
-